

Александр Петрушкин

**ТЕТРАДИ 2002—
2005 ГОДОВ**

Александр Петрушкин
Тетради 2002—2005 годов

«Издательские решения»

Петрушкин А.

Тетради 2002—2005 годов / А. Петрушкин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905494-4

Книга включает в себя все стихотворения Александра Петрушкина, записанные в 2002—2005 годах. Книга представляет собой часть поэтического проекта «Тетради», включающего в себя стихотворения, записанные с 2000 года по настоящий момент.

ISBN 978-5-44-905494-4

© Петрушкин А.
© Издательские решения

Содержание

Египет	7
Прялка	9
Примета	12
«где искать там где пыль побросала на пол...»	13
«непохоже что выжить возможно...»	14
Числа	15
«Пребывая в том месте...»	19
«Между ночью и тенью разница в точке зренья...»	20
Письмо бамбуковой палочкой на 28 июня 2002 года	21
Агорафобия	23
«Каждой женщине свойственно плакать – пока она есть ...»	24
Непечатное	25
Нижнему Тагилу с любовью	26
«В этом меде нет пчел...»	27
Путешествие	28
«То ли город горяч, как укусы пчелы в мягкую руку...»	30
«На дворе – двести лет...»	31
«Шел дождь. Росла трава...»	32
«Закончил ветер выть, как только свечерело...»	33
«И если тебе говорить, то – пожалуй – я пас...»	34
«это ночь так молчит или просто просыпался в море...»	36
«Тронешь и зазвенит...»	37
«Соль разъедает и камень, и воздух – лишь речь...»	38
«Ловля звезд – пустое занятие, но ты...»	39
«Если это свет – то какой же здесь мрак? Однако...»	40
«Так падает вода и распускает бога...»	41
«Это лето вгонит пенелопу в гроб...»	42
«Посмотри сквозь пальцы и отпусти взгляд...»	43
«Итак. Начинает нас слово с прозрачного А...»	44
«Я путешествовал тебя ради...»	45
«В городе, где давно нет ничего выше ольхи...»	46
«снег замедляет не море а лед – и значит...»	47
Прощание с цивилизацией	48
«По петле перепелки в кустах ...»	50
«Я спал со смертью...»	51
«Плач Ярославны. Мелкая оспа кварца...»	52
«Если ты согласишься...»	53
«Если крошки смахнуть со стола, то начнется январь...»	55
«Итак понажимай клавиши проверь свой e-mail...»	56
Опоздавший на рейс из Майданека №3128925	57
Водный ангел	58
«Так темнота (иль слепота)...»	60
Два варианта	61
«Прожив без меня две жизни – ты научилась ждать...»	63
Протей	64
«Первоначально будет ночь и отпечатки на вина...»	66

Валгалла	67
«Соседи твои снова ботают на самой отменной фене...»	69
«Почти как по ладони сбегает (только мимо)...»	71
«Мать бесменно провожает сына в берегах...»	72
«Это смерть или жизнь всколыхнулась...»	73
«Кроме того, что случилось – рыба летит...»	74
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Тетради 2002—2005 годов

Александр Петрушкин

© Александр Петрушкин, 2018

ISBN 978-5-4490-5494-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Египет

– 1 —

Снега манна, первая в эти сорок,
нота ми – из посуды, упавшей в небо,
лужа ужалит воздух одной из веревок
водяных или он разобьет свое отраженье. Нелепо
не любить свою речь, но так приключилось и
я дорогу забыл, как черновик. Забыл,

– 2 —

но не город меня напугал – река
кряхтела под птичьей шубой: ах, ты – тля,
на твоём серебристом лобке – рука
замерзала до вылета из рукавов воробья
(опускаясь все глубже, в предел прирученной цели,
я не заметил, что камни свое отпели)

– 3 —

На колоде дубовой – пробковая голова
разлетелась в четыре от головной боли,
отпуская на волю мысли. Сталь не права,
но дышится легче, а на просвете – прозрачные сколы
мраморной вены и два слепых хиппаря
ищут под стать свою поводыря.

– 4 —

Хор калек не родит солиста, и я
думаю: это ветер соврал погоду
Питера для Урала. Хромой занял себя гладкописанием, а
я огляделся, сплюнул бумагу и дал ходу
до пустыни, в которой любая страна
отсутствует. Свобода – это, когда тебя посылают на —

– 5 —

ты идешь, куда хочешь. Напролом,
подобно снегу, хулящему на зрачок,
в декабре, чье начало обратилось концом
слова, и просит милостыню торчок,
чтоб гранита иней позолотил бочок
его. Бабочка умерла, задев сачок,

– 6 —

но в желтом доме ее оплачет дурак —
переводной, как пули в обойме. Дрянь
заливает дрянь мне в глотку. Шлак
складывает беззвучия в полый мрак.

Оглянувшись наружу, мы видим дно,
потому и держим закрытым окно

– 7 —

до поры, когда порченная весна
хлестанет из поры, которой женщина дышит,
когда речь – для пропавшего в зренье – тесна.
Вещь – тем меньше, чем ближе
к нервам. Рвется все, что имеет плоть:
жизнь, стихи и обугленный рот.

– 8 —

Будем стоять на своей черной дыре,
выпившей море и отхаркнувшей назад
кровавые воды. Висельник и Назорей —
едины по матери и по отцу. Взгляд
бога похож на слепоту, так как
путы его определяют страх

– 9 —

перед детьми. А сегодня – опять судьба,
троллейбус и несчастливый билет.
Мы – по части прощенья – большие доки, да
никто не хочет прощенья. Уг (р/л) истый мент
достаёт из кармана часы – ему
ехать в полном вагоне, но – как всегда – одному.

– 10 —

Одиночество – это ключ от Египта. Я
не умел говорить, но бог прошел стороной:
то ли читать не умел, то ли увидел меня,
и порешил, и соткал деревянный покой
мне. До фени, что он бормотал —
я спал

– 11 —

у расколотой камнем речи и на печи,
тырил коврижки неба и калачи
земные. Воронка ширилась и звенели ключи,
плавилось время, которым летели грачи
в лишенное оси облако, сиречь – провал.
Я спросил: где Египет? – бог молчал.

Прялка

– 1-

или сроки ушили или мягкий живот не надрезан
или белый паук метит крошкой в угол девятый
или руки по локоть напились воды земляничной
или люди бегут в лошадей и не помнят свой запад
или тощая девка как дождь накренилась к закату
или прочная нить колебалась в прозрачной недолго
твой ребенок не спит потому что ясли нелепы
в замороченном доме похожем на ветхие соты
прошепчи оговор потому что ослепшее завтра
научило молчанью и слеplено чудно и тонко
так и карлик стоит на земле небукварной
и шатается тварь что не дышит полвека
на надрубленной рупии ногтя нетрезвые рыбы
бы рифмуют судьбой но стороннему слоги до бока
гарцевать на столах но такое было и правда
в локоток ударяет и пьет толоконные звоны
а не пальцы шуршат и не листья блажат спозаранку
петухи в полуночной корчме горячку фальшивят

– 2-

или время сбежало за молоком в продырявленной крынке
но пресветлые земли выются на старинную прялку
и у женщины выхода два из которых мужчина
только третий а пива выпил и стало паскудно
или в двери кривой заскулила кривая дворняга
или жирные черви ползут на прокорм стертой луже
и не время ключом загреметь и запомнить
что проплыло под снегом весенним чудной закорючкой
да и та ли метель что скрутила нас самогоном
то ли снег потерял то ли зяблика крылья
пробиваются словно колосья в озимое плоти
а найдется ли тот что из лимба за это ответит
прошептала б молитву но безветренна нынче погода
с ночи было легко с ночи было легко и прозрачно
захрустела узлами река что твой Иордан или вздорное пойло
нам на гвозди забило язык чтобы выжить случилось
затвердевшею кровью учу деревенские сглазы
в поминальниках место оставим для почерков наших

– 3-

или между речей забываешь что воск укорочен
пробыванием нашим на тридцать седьмом километре
и страстная нас минула или прощенья не будет
или сбудется то что углем начертали на темени

или слишком темно – чтоб прозреть не нащупать причину
или мошки гуляют слишком громко в хрупком пространстве
или мы зачинаем в могилах друзей искать гибель
или сгинула в тесте младенца татарская каста
но не в жарких канавах искать отраженья Венеций
прочитаешь навывлет пергамент глупый мой птенчик
и нечетная дата нечаянно перья уколет
в белом городе – помнишь – что даже неплохо
или это холщовая сумка хороводы вмещает
или в городе N. ветви ломаются от подаяний
отъезжаем пока не случились постыдные корчи
или рыжая девка сбежала чтобы делать минеты
варварам или портвейн так над нами хохочет
так и гнезда растут и листают почву собаки
и лепечет дитя пока воин спешит в легионы

– 4-

или прялка упала и раскатилась на смехи
или падает дым из трубы и царапает стекла
или женщина в небо течет или мы на задворке
укоряем друг друга избытанием этой вселенной
или бьется посуда или пчела в сонный улей
или пуля пробила свой путь убежать от судьбы
или ночь или день или тело на фоне скульптуры
или терпкий абсент или в свете его терпеливая смерть
или сон в два рубля от вершка или хвост прищепили
или прах не догнали и плюнули прыгнули в рай
или вереск растопленный в солнце горит на изнанке
или наш вертухай не сумел подняться до нас
так и бегать с собой в темноте играючи в жмурки
в обалденном что нить колючая бога – поле
или лучше с оказией треснуть и с чертом
оказать на том тридесятном известном
или нитка рвалась и кромсала из пряжи
допотопные фантики иглы узлы и таблетки

– 5-

или руки чисты или крыша над нами обрякла
воробей залетел и нечистая влага свербит
нет ни толка ни прялки ни тьмы ни расплаты
ничего что бы скрыло черты на руке или взрыв
или пряжа из глины или аскольдово племя
или гарь на зубах или кукла на снежном сукне
и забот на два дня и работы на семинеделье
и проклянется то что до хаоса в потной мошне

.....

– 6-

или так кощуны затаились до времени скорбного

или это в ладошки мои падал солнечный луч
а дитя все лепечет хлопочет над ниточкой
теребит – беспокойно вгрызаясь – материнскую грудь
.....

– 7-

или сроки ушили или мягкий живот не надрезан
или время сбежало за молоком в продырявленной крынке
или между речей забываешь что воск укорочен
или прялка упала и раскатилась на смехи
или руки чисты или крыша над нами обрякла
или так кошуны затаились до времени скорбного
или белый паук метит крошкой в угол девятый
но пресветлые земли выются на старинную прялку
пребыванием нашим на тридцать седьмом километре
или падает дым из трубы и царапает стекла
воробей залетел и нечистая влага свербит
или это в ладошки мои падал солнечный луч
или руки по локоть напились воды земляничной
и у женщины выхода два из которых мужчина
и страстная нас минула или прощенья не будет
или женщина в небо течет или мы на задворке
нет ни толка ни прялки ни тьмы ни расплаты
а дитя все лепечет хлопочет над ниточкой

Примета

Потрогав пустоту чувствуешь радость узнавания – это непослушное слово закатилось под скрип кровати: к пяти – надо встать, умыться, прочитать молитву, почесать кафель

ванной соленой водой, услышать как дышат соседи, звери, жидкость, ползающая под твоей кожей — если ты окрикнешь меня в это время – я вряд ли услышу (но может – позже),

в смысле – никогда, что и есть самое точное время. Прочитав книгу – вспомнить ли содержание необходимо? или ловить проституток на бульваре, вокзале, с пригоревшей кожей
ожидать любви или автомобиля...

Позовешь, окрикнешь, прошепчешь, смолчишь, что неважно: окончательный результат связок – твое молчанье... оградись от человека голосом – вот и вся святость или ее обещанье.

«где искать там где пыль побросала на пол...»

где искать там где пыль побросала на пол
свертки душ серебристо скользит поднебесный осколок
все что не было стало необычайно светло
и стоишь или держишь помятый кометою полог
никогда вдруг настало и смотрит с усмешкой на дно
то понятное названо после рождается скрипом
только крысы сутяжат нам время и смотришь в окно
будто снова родился и пасмурный свет оказался к лицу
и не ангелы нас сберегут а бродяжка и квас
чертохвостит и плачет опять верхотурская небыль
мы читаем опять о себе для себя по губам
или едем опять не туда и сосем сухой стебель

«НЕПОХОЖЕ ЧТО ВЫЖИТЬ ВОЗМОЖНО...»

непохоже что выжить возможно
и надо – в коротком
не расколешь губы и узла
только если о ветхом
ты раз скажешь
как будто опадшая троя
просыпается в снежной
невнятице пошлых историй
мы уходим но пепел
глаза прорастает навывлет
даже смерти здесь нет
только речь из отсутствия неба

Числа

*затворишься путником или сгоришь на бойне
кровля пропустит воды сквозь сито кроме
этого протают чертики сквозь бумагу
кто напишет слово траве кто-то для камня сагу
не оглядывайся куда ни повернешься запад
из всех ветров выбирая первый
наизрочь вербное на пятое и из мрака
вытки глаза горизонт яйца нервы*

– 1-

Ты не приходишь. В этом – отгадка сцены
пустой, что червяк в башмаке с трещиной в сердцевине —
взглянешь в дырку, увидишь небо, обрывки пены
пивной, память о нашем эллинстве, в которой сгинем.
Если искать, то линию, а лучше – точку,
смятые наволочки, сброшенные, как старая кожа, на пол,
тапочки, вбитые в поле гвозди или хотя бы заточку,
или тело свое, чтоб отдать его пескам, как рапорт.
Не пройдет и недели, как небо от скуки взвояет,
изваяния оживут, от сиртаки
в лечебнице скроешься – медсестра уколет
и вот – уже июнь, на могиле – раки
и юнцы празднуют твою кончину.
(отдаю им честь, как щель и земля – клину)

– 2-

Просыпаюсь около океана. Пишу дневник.
Божок на блокноте разлил чернила. Отсутствует собеседник.
Холод. Суббота и вторник расколоты гильотиной
родника. Кружева, дорогая я позабыл на стекле,
отшлифованном приливной волной.
Дорога приключилась длинной,
книга – незаконченной. Это шанс
протянуть время, как нить сквозь сено,
схватить воз хлеба, ладошку любви
отражения к оригиналу. Я последний
табак скручиваю в газету. Позови
меня к себе и я закурю. В грязи
засыпаю калачиком и бормочу: не уступай стези,
нет ни доброй воды, ни соленой, ни скверной.

– 3-

Конечная остановка. Транспорт стоит в очереди за людьми.
О ветре здесь говорят шепотом или молчат в траве.
Скоро – обедня, гроза, ропот сводня, сходня, ребенок,
хлев, крошки в высушенной бороде,

а если спросят, где я, отвечай в манде,
в том смысле, что только что выбрался из пеленок.
Эта жара прошибает дырку во лбу не хуже синицы, из черепной
коробки
стремящейся вылететь к воздуху. Из подозрительной трубы
взгляд падает на перекресток, как на руки акушерки.
Предпочитаю дождь из всех видов борьбы,
уход – любой из свобод, расстояние – постельной порке.
Белый июнь меня доканает: числа с 1 до 0, а иных здесь нет.
На что это похоже? На трещину в скорлупе. На выстрел
нас обходит город. Я лежу на газоне, похожем на крест. Я устал
от истин.

– 4-

Птенчик мой, этой стране непосильны люди:
на въезде оставляем отпечатки пальцев, бумагу
и шепот. Услышав, как фараон просвистит «фью», ты
должна превратиться в покрывало или кактус.
Бутылка всегда дрейфует в Саргассы. Меня стили
ты доживешь до Праги и прачки с Пражской
наполнят твоё молчанье. Когда прошили
тебя этой почвой навывлет, то обделили каской.
Соленые вещи на подоконнике. Черная кошка в подъезде.
На базаре – судный день. Разговоров на полгорода.
Хазары и обыватели закрывают лавочку (в этом месте
положено чихнуть, но нет повода) —
в ребристой тишине ты слушаешь полет овода.
Не бойся. Не лети. Эта чашка расколота.

– 5-

Снулая рыба приподнимает плавник,
как знамя победы пепла над морщиной течения в океане.
Практик ищет булочную. Идеалист – через крик —
возвещает мир, что его он разлил. В стакане,
как зрачок проплывает осколок неба —
в нашем окружении мутно, пасмурно – такова V
воздуха над горизонтом. Отломи хлеба
и выпей птичьей крови. История
мира приблизилась снова к старту из падали,
осторожный свет, как слепой, ощупывает сердце комнаты,
в том смысле, что человека, который спит там, где его спрятали
за скрипом пыльные предметы. Из гимна ты
когда-нибудь вырастешь. Спартанец Спарты
бежит – потому что корни его любви сотканы из ее пустоты.

– 6-

Будешь в наших землях – не буди воробьев,
не заходи в руины, не говори о дождях.
Предсказателей повыбила судьба из плотно сшитых рядов

людских и жены наши девятый год на сносях.
Сбудешься как тропа – в любой из последующих жизней
тебя попирают колеса, стопы, колени, когти,
алчущие прибыть к своей равнодушной отчизне,
чье скопление стен вхоже в лохмотья аорты
путника, издали бредущего в суть вещей —
не загоняй любовь в замкнутую бутылку
родины. Если чужбина избавит тебя от прыщей —
не приезжай, не присылай на юбилей открытку.
Назови меня по имени. Выпей портвейн.
Нарвись на финку.

– 7-

Куда бы не шел – всегда возвращаешься.
В векторе перемещения – оправданье любой точке.
Талая кровь освободит – если отчаешься
найти тропу к позднему сыну или ранней дочке.
Потеряешь себя в темноте – не ищи – на фига тебе тело!
если не с кем его разделить в этом белом
свете лампы стоватной, альбинозой летучей мышью
присосавшейся к потолку. Каждой нише
нацарапано имя ее. Погреми ключами
или соленой, как речь з/к, кожей, пожми плечами.
Загорелая роса на дверной ручке. Паспорт
вспоминает, как тебя окликали. Автостопом —
за сутки – проезжаешь полстраны, за борт
выкидывая – с окурками – память остолопам
из попутной харчевни.
(ночная трасса, которую не минуют скопом)

– 8-

Сумма чужих углов – это твоя судьба:
только вскипнешь «дурдом!» – стены – инеем – «да!».
Лучше же промолчать, призрев на сухой траве
ответ на вопрос «где ты?» – в кратком, что смерть, «нигде...»
(то есть всегда ни там, где речь твою слышу я).
То – как комод – кряхтя, то – как птенец – гуля,
меж четырех углов есть пятый, который – ты,
шорох, острый сосок и некой тени черты.
Лучше участь слепца: голос, тепло. Снег
падает вслед за людьми и ангелами, чей бег
остановим пивной, выросшей на пути
их. И если сетей этих не обойти,
вслушайся в тик часов – твой ли несносный бог
здесь проторчал свой век, с бесенком вживленным в бок?..

– 9-

Сколько бы ты не играл – всегда победят крести:
застрявший в дупле короед помешает из древа воскреснуть.

Попав в пятно света, бутылка расширит себя до лужи.
Застегни свой глухой ворот, чтоб не случилось хуже,
чтоб не случилось свары или пера под ребра.
Чтобы меж Аз и Ять не развернулась торба —
не издавай ни звука, не колеби тростинку,
прикусывай не спеша слова острую льдинку,
отворожись от бога, отговорись поговоркой,
взирай на Чикман и Косьву спокойно. Не будет горько
если эта отчизна сгорит в своих переменах.
Если не сгинешь в пойле – наградой получишь тремор,
морщины, манную жижу, покойников многоголосье,
или – травинкой в спину и из глазниц – колосья.

– 10-

Спросят: какое число? – отвечай: много.
Умея только до двух – все, что выше,
называю несуразно. Два века гудела погода,
чтобы сойти на блеф или что-то тише.
Мы искали смысл, чтоб потерять. Свистеть
нас учили раки и книги. Из мертвых женщин
ближе всех – та, что вдалеке. Просей
нас сквозь время свое и соски огрубеют. Меньше
руки бога – только жирный его трахарь Цезарь.
Наши дети забудут нас, поиграв в могилы.
Ни хирург, ни ветврач не спасут. Только чахлый писарь
сосчитает нас перед тем, как покинуть. «Милый,
разучись дышать...» – слышу я,
подчиняя звезду отливу.

«Пребывая в том месте...»

Пребывая в том месте,
где кровь истекает и спит,
обнимая дыханье твое,
и смеется во сне,
если птица взлетает,
пугая невинную пыль,
принимая участие
в тихоголосой резне,

мы разломим на сытные
ломти свою тишину,
разминая со снегом —
меж пальцев согретую – глину.
Пребывая в том месте,
где проходящие тьму
остановятся, чтобы стоять,
наблюдая свою Хиросиму,

дым поднимется выше, чем
было возможно. Сейчас
начинался Февраль, и навряд
ли мы вспомним об этом,
когда кончится двадцать восьмой
и прокаркает всем свысока,
отлетая в свой рай, как мы в нем
засыпали валетом

на диване ребристом,
дыхание – камешком вниз
упадет и не вспомнит того, как
его отпускали
от себя тяжело, и как плыли
от места паденья круги,
и как мы – сквозь спираль —
от себя первый вдох отдаляли.

«Между ночью и тенью разница в точке зренья...»

Между ночью и тенью разница в точке зренья
Одна вызревает в другой и боясь забвенья
Накрывает праматерь поминая всеу мать
Придержи слова чтоб от громкости не завернулась скатерть
Потерпи нам осталось не так уж много
Все китайцы ушли и теперь так нема дорога
Почитай на досуге сущеглупую книгу
Поверти как магический куб в пальцах фигу
Ни хрена себе скажешь и будешь права это редька
Мы бываем в себе и в шизо но редко
Нам подарят когда-нибудь поллитровку
Извини я опять тебе не оставил зобку
Никотином кружусь и ангелом юродивым
Между ночью и тенью я опять приключился милым

Письмо бамбуковой палочкой на 28 июня 2002 года

Ольге Исаевой

Желание вернуть себя снегу ослабеваает. Холод
развешивает к рождеству птиц и дохлых собак на заборах.
Нащупав лицо темноты, вспоминаю: двадцать восьмого
непрожитый год, обветшав нами, на прорехи посмотрит строго.
Даже если наши острова больше времени или воли,
контурам их не лишит нас боли
птичьей, судороги зрачков или губ прозрачных
на пластике стаканов, оставленных в злыхных.

Я пишу из своей глухоты по прозванию Челябинба,
утекает ладонь в темноту из соседского храпа.
Милая Пятница, имена летят на юг, как клочья пены,
обратившиеся в птиц над волной у ссадины земли. Стены
моей хижины обнимает вода, лохматясь
от ежедневного прочтения аборигенами и грубого пальца
северо-восточного, расписанного молниями под индейца,
ветра. Про остальное – неинтересно

говорить с собой. Всегда выживет лишь молчанье,
пауза между букв – это ли не обещанье
возведения Вавилонской Новой
шашни со смертью своей. К покрову
оледенеет слог. Ожидание дольше смысла:
то шиза всколыхнула, то в козе молоко прокисло.
Подышав на ладонь пустотелой и карей синицы,
накалякай письмо и – бутылочной почтой из Вологды, Ниццы,

Копенгагена, Мехико, катарсиса, паранои,
любого из Ч. Нарисую ноль и

зачеркну крестом. Еще один год из дыма
моего очага вылетает голубкой к Богу или Рима
инфаркту. Разные вещи – впиши в эклогу —
полувнятицу, вздор. Мои недосдохшие пальцы
свяжут из пустоты пустоту, уравнивая наши шансы
в обретении засухи снежной. Облака выткнут нити
побережье забинтовать пургой. И куда бы от прыти
задеваться ребенку, юнцу с бестолковых окраин
языка, если линия со всех сторон! Постоянен

угол взгляда при столкновенье со страхом встречи
себе подобного в полой пустыне. Резче
квадрат черной дыры, съедающей все предметы

иероглифа, клинопись календаря. Омерты —
закон превыше нас, потому что ДО — он.
Спи, моя Пятница, завтра — четверг и кокон
кожный поджарит краткая вечность. Быть бы проще:
сгорать и дышать длиннее — писать короче.

Агорафобия

Гнусная страна расставляет птенцов по местам.
Маленький фюрер греет руки в ширинке. «Я – сам»
прежде, чем взять окончательный взлет с железной руки,
верещит воробей, и с тем отлетает. Крюки
вбиты заранее в потолок, кукле – гвозди – в глаза,
любовники – светом – в постель. У дрозда —
снова – подкидыши, снова – простор и тоска,
когда простор запоем – оторопь от голоса
его, дрожь в коленях, и выпь – у глазка
в каменный вещмешок – днеует – его волоска
не надорвать голосом – только собой. Звезда
опустилась – замерзшим в сосульке младенцем – на провода.

«Каждой женщине свойственно плакать – пока она есть ...»

Каждой женщине свойственно плакать – пока она есть —
контрабандой разрывов пасхальных хлопушек, петард.
Нам невнятица станет спасеньем, в котором п...ц —
тоже выход (ремарка. улыбка). Тошнотный полуночный Сартр,
не дыши и не двигайся – черный китاي и великий могол
починают движенье, гнилыми зубами бутылку открыв —
починяющий примус сантехник все сделает, в пол
устремляя своей Хуанхе желтоцветный разлив.
Так разносит портвейн свои вести, так плачут чтоб жить,
так калечат тепло, так стоят одноного, глазют с балкона на бога,
собираются тряпки и тело, которое шить,
не найти, не соткать за три месяца и (+) полгода.
Каждой свойственно что-то. Мужчины бухать
не устали и едут четвертый свой, в темном трамвае,
опускаясь все выше, а бог... он всегда вдалеке
и от севера нашего тень сквозь восток убывает

Непечатное

отмечая свои тридцать лет замечаешь – немного
изменились порядки домашних ряды и уже не до блядок
и уже осторожно шупаешь связки дыханьем
чтобы завтра хрипеть повторяя старательно чайник
и корябаешь черствый язык и коверкаешь небо
и не видишь вблизи никого обрета дальноркость
все что раньше чудилось с каждым днем исчезает нелепо
все быстрее и уже наплевать на чернильную плоскую гордость
отпуска наши скоро закончатся – мы выйдем следом
запотеют ладошки и иней на голые пятки
ляжет все хорошо это смерть прорастает в нас жизнью
с каждым новым рождением детишек и играет со временем
в прятки

Нижнему Тагилу с любовью

то и видно что в замкнутой комнате как на ладони
гости были вчера и убыли забрав простоту
то и сплыло что прялка черная или апокриф
расчертивший под ангела новой зимы бересту
положили на четверть стола вдох и пресную мацу
то и дел что смотреть на отбытие в нижнем в . . . исподню
где что сука то сразу поэт что ни дурень то память
и холодная гостю квартира с привычной хозяину вонью
разноцветного неба тропинкой ведущей на север
чтобы с юга вернуться если хозяйка права
значит выбиты зубы и тело берет на измену
если слишком херово – то славно было вчера
на вокзале в каком-нибудь нижнем кругу словно Мнемосу
снишься
и терзаешь бумагу и сжираешь свой карандаш
то и видно что срок приключается местному Зевсу родиться
да и выплюнуть тело мое на последний этаж

«В этом меде нет пчел...»

В этом меде нет пчел,
только дети и тени детей,
и дождя вертикальная нить.
И короткая память камней
разминает ладоню твоей
мокрый мякиш чужой немоты:
то приходишься братом песку,
то сестрою своей темноты.

Путешествие

*Пройдет много лет и...
...которые обречены на сто лет одиночества,
не суждено появиться на земле дважды
(Г.Г.Маркес)*

*

Треск двух сорочек. Тень
перерастает камень —
из своей глубины
не разобрать голос.
Едва успеваешь по себе
произнести «амен»,
как вода растворяет
пламя в твоём языке
и камень падает
на ту сторону, что всегда вдалеке
от всяких тел или спален.

*

Не смотри, что спичка... Сон
бабочки дольше, чем жизнь человека. Если
ты меня понимаешь, значит поперек
Гольфстрим пересекать легче
И если я расслаблюсь
в протертом кресле,
значит я ещё
гутапперчив.
Если эта женщина все ещё ждет
Сколько-то там эту встречу,
Значит она – единственная из женщин

*

Вздых отлетает с доверием, ост-
ужает октябрь, что правильно, но противно,
как и весь мой Ост,
сужающий угол зрения (несильно),
вполовину,
в смысле: никак не разглядеть
ни дочери, ни любовницы, ни жены, ни собаки,
ни дома, а лишь небесную твердь,
которую с ними живу
и прочее. Если бред
этот заберут у меня – я заплачу.

*

Заплатив по счетам, прочее
забываю, как зонт в гостях.
то ли надоело рыться в себе,

то ли в чужих костях.
Попросту говоря, я не помню теперь «кто ты»,
да и ты – навряд
вспомнишь мои черты
ни лица – сургуча морщин,
и тогда – кулик
за чужим медресе
прокричит: кирдык.

*

Вогулы все разошлись. Окно —
задача с запотевшим, и криптограф
не разберет, сойдет с ума под понедельник.
Был неудачен день и правая рука
окрашивалась «примой»,
я слегка
пошатывался, как и должно быть,
но, не умея пить —
я ждал тропу и свой клубок сжимал
и нервы отзывались,
и вокзал.

*

Пройдет много лет. Свет
округлится и, совершив путешествие Колумба,
распрямит (разгладит) себя до прямой, до
дождевой лужи, в центре которой клумба.
Бабочка десять раз упадет, пропадет в белье,
но
племена мумбо
выпьют мое письмо на запотевшем стекле,
мои числа и плоть – и может быть седьмой ангел
дважды не появится на земле.

«То ли город горяч, как укусы пчелы в мягкую руку...»

То ли город горяч, как укусы пчелы в мягкую руку...
То ли мед растекается, лядвии камня тревожа...
Обернувшись на запад – замечаешь, как корочкой небо
покрывается от стыдобы: это с севера ветер
залетает в гнездо и рождает змею из кукушкиной скверны,
и течет между нами, на узлы завязав разговоры.
Не печаль береги, а песок что сквозь нас пропускаешь —
так ли вечность звучит, как пугают младенцы прохожих...
и горбинка еврея стала горбом для исхода:
на соленых ладонях – только ломтик ослепшего солнца,
не спеша откуси, чтобы слову песок не привился
и иди, чтоб забвенью предать лики, лица,
камни, вздор нежестико-пустейших речей.

Нам с тобой ли ходить, если море не сможет оглохнуть,
сосчитать белый снег или пресную манну в пустыне.
На Урале нет бога, но есть рыжеватые скалы
и оскал темноты – иногда так похож на улыбку.
По утрам то ли ангелы, то ль лишенные сна санитары
поправляют тебя, чтоб случилось все по закону...
но закон не написан еще и скулят фараоны
и глядят на восток из-под ребер и жен, иссушенных.
Пройдет сорок... больше не выдержит зябкая кожа
да и больше не надо, чем память людская вмещает
и подернется небо морщинистой вязью ислама,
и от веры любой после выхода будет похмелье

Не ходи по воде – это точно дурная примета:
утонуть не утонешь, но дерево выведет к небу.
Все слова – пустота и особенно те, что выпиты нами
в ожидании истины и собеседника. Если
не искать ни того, ни другого – то ты не состаришься даже.
Камни будут источены, город падет и воскреснет —
а песах или кадиш сегодня спроси ты у брата,
если только найдешь его в нашем густом пустословье.
Только дождь бы прошел сквозь невнятную нами пустыню,
сквозь холодные нами селенья, прогнившие скулы.
Нет ни времени. Нет ни народа, ни доброго брата.
ни любившей сестры, ни отребья, ни тени, ни веры.
Не ходи по воде – это точно дурная примета:
Утонуть не утонешь, но дерево выведет к небу

«На дворе – двести лет...»

На дворе – двести лет
(откуда-докуда не спросишь)
Указатель накаркает тьму,
целину, Сталинград.

Нас с тобой уносили
сквозь эту прозревшую озимь,
Нас с тобой выносил
только (пьяный под Курск) медсанбат.

Мы глотали, как рыбы,
на льду бронзовеющий, воздух —
Словно в слово вступали
в болото и в небо. В наряд —

поплыла чешуя толстозадой,
в обрямках, русалки,
и ладонью счечетил
по стулу безногий солдат.

– 2-

Чпок! -чинались русалочки
пляски на Юг и Восток,
вместо ружей и сабель —
швабры и тощие палки,

вместо кухни с иконкой —
затертое чертом лицо.
И плывут по реке восковые,
как бог их цветной, пролетарки

На дворе – тыща лет
и спрашивать даже не надо
где нам жить – просто жить —
но однажды так страшно дышать.

На дворе двести лет
(откуда-докуда не скажешь)
серпантин, новый год, тьма во тьме.
Двести лет – Сталинград.

«Шел дождь. Росла трава...»

Шел дождь. Росла трава.
Мы пили эту воду,
мир поделив на два:
на афоризм и оду.
Остаток – пустоте
мы сбрасывали в баки.
Они гремели так,
что лаяли собаки.
С той стороны листа
глядит на нас бумага,
как мы с ее лица
пьем воду, точно брагу
Любой из нас убит,
но мы не умираем,
лакаем белый стыд,
и губ не обжигаем...

«Закончил ветер выть, как только свечерело...»

Закончил ветер выть, как только свечерело,
а инвалид-сверчок чуть позже замолчал,
ты задала вопрос, точней – его пропела,
да я не отвечал.

О чем мне говорить, что лето нецензурно,
что нас имеет вновь любимая страна,
что ива у реки прозрачна, как мензурка,
а речка – холодна?

Что не умею жить без сурдоперевода,
что не умел любить и получил за то,
что из меня теперь течет моя свобода,
которая – ничто?

Что ты идешь гуляешь с чистопородным шпицем,
что весело свистишь, сзывая кобелей,
что в сумочке твоей двойная доза в шприце?
Давай ее скорей...

«И если тебе говорить, то – пожалуй – я пас...»

И если тебе говорить, то – пожалуй – я пас,
то ли дырка и бублик, то ли ангел их, смотрят на нас,
то есть – так стыдно не приключалось с ним,
если и видеть небо, то через тренья дым.
Шестым из пяти будут звезды и иней на них,
на облаках – то ли лица судей, то ли овал чужих.
Впрочем, выжившие аборигены всегда искали дур в дом —
так поживи и ты, с октября свешиваясь за балкон.

Разве очарованье – то, что искали мы...
Наши речи свиристели невнятно – даже для нас самих,
с потоком пришел к дверям вторник и всё что с ним
или все. Я не помню, как постарел и сплыл
твой материк с этого острова – не сохранив слог,
мы видим, как зреет острое и подлог.
Короче, если можешь о боли – то начинай, но я
покидаю осень серым камушком воробья.

...и не спеши без меня в свой дурной фокстрот —
что там в тебе нарыл мой паскудный крот!
Человек – это сумма его душевных расстройств,
и прогрессия их – его судьба. Из десяти свойств
называй хоть одно, что нас оправдает. С Итак
не возвращаются, потому что там – прошлое. Белый мрак
растворяет память в пену морскую. Ладонь
не вмещает колосья – значит, их рано разлучили с землей.

Наше дыханье – рана воздуха, сон – лучшее, что я мог
придумать с клочком старой овчины. И всякий пророк
распят на чужой тишине и своем одиночестве. Срок
завершится в пятницу, в полночь, в полдень, в срок.

Потряси костями – может чего и вспомнишь.
Если искать смысл – то не здесь, а в речи,
в грампластинке, протертой насквозь гвоздями,
правленной по краям табаком и желчью.
С каждым временем нам становиться внятней,
распускать рукава беременных женщин
и брести по инею, вслед за мятой,
отлетающей в небо, обнимать их плечи.
Если это мрак, то прозрачный голос
животов их травой прорастет сквозь небо.
Не вспугни детей, что твой мягкий волос
держат в слабых ручонках своих. Нелепо.

щебеча молчанье, живот твой острый
оправдает скрип и влагу, и волка,
будет падать снег – словно ангел пестрый —
сквозь людей и почву, и небо – в бога.

«ЭТО НОЧЬ ТАК МОЛЧИТ ИЛИ просто просыпался в море...»

это ночь так молчит или просто просыпался в море
из которого выйти возможно но только три тысячи лет
пропустив для забавы в компании с влажной Горгоной
сбереги этот смех если можешь хоть что-то сберечь

приходи как приходят солдаты к лачуге невесты
из похода в пустыню смотри как сгорают в них воды
прогоняя на запад неважный как воздух завет и
роняя копьё на постельный свой хворост поможет

только тело морщины осколки старухи гляди же
это дом это память и что-то еще запали и забудь
как в стремнине реки нас сменяют сгоревшие волки
и прозрев наконец-то находишь причину заснуть

«Тронешь и зазвенит...»

Тронешь и зазвенит
передышка
меж смертью и смертью:
в фалангу
– среднего —
третью
твой код забвения вшит.
Вечность со временем схожа,
если – как мы – поспешна
в своем
небольшом пространстве
(маленькому минотавру
не покинуть путаный Крит).

Тронул – так пропусти
сквозь все пустоты речи
холодную
– как рентгены
ее ведущие —
нить.
Падаешь,
как без/с-путный
из темноты в бессмертье,
но не свое, а прочих
теней
с не-
уютной долей
не посетить Аид.

Грубая – как ладонь
тебя изваявшего мужа,
не тронет твои уста
неузнанная
тьмою речь.
Все дороги ведут на Север,
но смыты соленой водою.
И можно бежать за море,
а можно снежинкой
лечь.

«Соль разъедает и камень, и воздух – лишь речь...»

Соль разъедает и камень, и воздух – лишь речь
Имеет прочнее валентность – твой Харитон
Успеет обрести полураспад – пока мы течь-
Перетекать устанем сквозь щели свои в свободу.
Кода времени – это пустой человек,
С помощью междометий обратившийся в воду.

Не торопись, мой птенчик, на этот вокзал:
Поезда плетут лишь одно направленье на Север, и скоро очень
Прялка выткет железную нить из аватар,
Которые падают в землю замедленным снегом,
И прежде чем изливаться из кринки – ты оглянись:
Что будешь ты – после, там, за своим пределом.

Слова кончаются. Дальше – по видимому – темнота.
Над ЧТЗ – ангелы и прочая чертовщина.
И ты выходишь из меня первой из ста:
Дыханьем, когда «-40» – сигаретным дымом.
Моя соленая речь растворит тебя наверняка —
Во все стороны от Камчатки и притворится Крымом.

«Ловля звезд – пустое занятие, но ты...»

Ловля звезд – пустое занятие, но ты
занималась всегда этим лучше, чем я,
и после свиданий с тобой я слышал, как роют фундамент кроты
и скоро здесь вырастет Колизей, а потом – скользя
по поросшему редкой травой побережью – волны забудут про нас.
И это правильно – поскольку это – о нас.

Как только закончился бог – мы пошли в театр,
смотрели на линии между надбровных дуг
сцены и старались не хмуриться. И повторяя соцарт —
соприкасались рыбьей кожей разводные мосты. Из подруг,
с которыми я спал в те стрёмные времена —
только ты вправила влажный штрих-код в мои пелена.

Крошки с наших столов давно обрели свой гранит —
только крепость их – десять последних лет – гранит мой зрачок,
и мы прошли, как земную жизнь, холодный Аид,
в том смысле, что я в свой карман положил от него клочок.
И если кто-то случайно спросит тебя —
не отвечай ни о чем – как и я.

«Если это свет – то какой же здесь мрак? Однако...»

Если это свет – то какой же здесь мрак? Однако,
когда станешь мошкой, то полетишь обратно
из сумерек – пить морошку и зеркала амальгаму —
смутной или прозрачной тенью, чтоб подглядеть драму
сокасания времени и (смешное, как рифма) пространства,
губ и дыхания, языка и хамства
консьержа с нижнего: то ли этажа, то ли предела.
Запомни это так: промахнулся Акела —
в последующей аватаре – мы увидим его, как стаю.
Пока я двигался, в смысле летел к краю —
свет в окончанье зрачка разгорался ярче.
И я покинул его с вопросом:
а был ли мальчик?..

«Так падает вода и распускает бога...»

Так падает вода и распускает бога
на наши пальцы, лица и скрип от сапога.
К двадцатому успею связать себя немного
и посмотреть сквозь тело в точащие глаза,
успею довязать свои узлы и хвост,
расслышать, как из камня наружу каплет тот,
которого не видно, которого не надо,
чтоб перепутать тело свое и мутный дождь

«Это лето вгонит пенелопу в гроб...»

Это лето вгонит пенелопу в гроб
Скажи хлоп-хлоп расцарапай лоб
Всех хлопот на пять пальцев
А шестой ты отсек
Слышишь это
по лужам плывет автостоп

Все базары застыли а леса на дрова
За спиною твоей как всегда братва
На Урале солнце из берегов
По воде внутри вены – тот
кто соткан из слов

Поскорей бы снег или наш базар
Непохож на восток или в скифе трава
Проросла – подыши на холодный чай
И согрей свою речь
В общем – все —
Прощай

«Посмотри сквозь пальцы и отпусти взгляд...»

Посмотри сквозь пальцы и отпусти взгляд
в свободный полет – он вернется, спустив панталоны с вещи,
назад —
там вдалеке разлетятся остатки звезд,
и черные дыры в белой дыре покажут свой хвост,
вывернув наизнанку твою судьбу.
Щебечи как последний бродяга свое бу-бу.

Прикуси свой язык, научись лепетать как все —
это важный урок – прогуляйся у той на косе.
Ни грузин, ни еврей не обрушат свой гнев на тебя,
обернешься в камень – и в этом подобье тряпья
позабудешь: как ветер сквозь поры тебя поправлял
на морщину и птичий след на плече. Получи свой балл

в исправленном календаре – свой идиш пропей,
закуси улыбку и на соседа забей,
растирай своим взглядом последние вещи свои,
и прислушайся, как взгляд твоих предков – возвращаясь – «Пли!»
произносит тем, кто покинул со слезами их пах.
Так живи, как каждый: сам себе – при своих клопах.

«Итак. Начинает нас слово с прозрачного А...»

Итак. Начинает нас слово с прозрачного А,
И тянется выстрел в воде черемичной на выдох.
Три раза по семь носит мамка в утробе сынка,
А после забудет, его отражение увидев.
В багровый живот – ты посмотришь – прореха пуста:
Орешки пощелкало к августу беличье племя —
Так вьет нас в бесстыдства веревку слепая вдова,
Таращит глазенки на землю голодное семя.
Тик-так-тик. Все сфинксы вернутся прозрачной зимой —
Паленая водка и выносные базары.
Траливали с утра. Надо ехать в – холодное слово – домой,
А сутры Майтрей всех твоих обратились в трамваи.

«Я путешествовал тебя ради...»

Я путешествовал тебя ради,
оставлял там и тут ненужные вещи:
то катился опущенным в бочку с дегтем,
а то плыл слишком г (л/р) убым – в смысле: вещим.
Съел полморя соли, говорил с поморкой
на одном из – ею забытых – наречий,
танцевал над собой – в раскаленной сопке,
посылал мир к чорту в полосатом френче.
Обреталось в яде густое слово,
обрекало на ягель и состраданье —
выбирал теплый снег из всего немого —
бабским плачем вернулось ко мне камланье.
За такие речи: в меня молчали,
проводжали, за пазуху вылив водки,
становились в моем изголовье, свечами
прожигая рваные раны лодки.
Уходя на Запад, свой тихий шепот
обернул сукном и зарыл под Косьвой:
и теперь на плече – как не плюнешь – копоть,
как не глянешь – темень и некто БОсый.
Погаси лучину. Наклонись поближе.
Я пришел к тебе и растаял прежде,
чем узрел в зрачке твоём все причины,
что водили меня, отверзая вежды.

«В городе, где давно нет ничего выше ольхи...»

В городе, где давно нет ничего выше ольхи,
я говорил вечерами тебе, что трава – не наркотик,
ты смеялась в ответ, и твой смех царапал края реки,
пока вождь ацтеков примерял к тридевятым свой дротик.
Отсюда пойдет тишина, которую взрежет дождь,
пока ты будешь молиться – закрыв глаза сторукому богу.
Сегодня утром меня вконец достали советы обратиться к Ож-
еговскому словарю, и я начал рубить из стола пирогу.
В городе, где – с начала – нет ничего прямее ольхи,
всякий, кто бредит, называет вещи по (по) -длинным их именам.
Трава – не наркотик. Моя дорогая, сиди и молчи,
и слушай, как время в – лаптях конопляных – ступает по нам.

«снег заметает не море а лед – и значит...»

снег заметает не море а лед – и значит,
время седлать собак и двигаться щепкой лохматою через Север
на Южный полюс – может успеешь
выжать еще пару строк – пока сдавлен инфарктом морским –
сытый сейнер
в этом смысле – все дети и – пора сенокоса
наступит через неделю и назовут искусством
ее спустя две эпохи невыжившие матросы
(рыбы в такой истории не говорят о грустном)
в грядущей зиме – все верно и правильно что и в кварце.
так начинают жить и пожинаяют пургу
на свадьбе твоей всегда – к утру – не хватает кваса
и укрывает небо в тебе соляную дугу
если по смутным нам снова читают судьбы
в дырах твоих богов – машет хвостом божок
радуют письма тем что мы еще не забыты
и вылетает метель через окно в ожог
мы – промежутки наших дыханий – на утро
сторает твой выдох и хочется спать или бросить камень
в то что потом назовут дождем и промахнуться
снег заметает не море а лед – Дед Мороз поет
по заблудшим полярникам амен

Прощание с цивилизацией

Иноземье бормочет не то духоту, не то море, высохшее лет за пять до тебя в проекте.

Я ошибался, когда говорил хоть что-то о своей любви, о ненависти или о смерти.

Эта жизнь требует молчанья в семи печатях, отпечатки пальцев в досье у Интерпола, расчетливой падчерицы в глубине зрачка у возжелавшего смены пола.

На земле твоей лишь тебя не хватало, как разбившей окуляр черной птицы —

Вспоминай, когда состариться без меня сумеешь, скрежет по стеклу этой мокрой спицы.

Только небо не требует за все расплаты – письма приходят на землю все реже

из твоих глубин – как глянесь, так и пальчик, заклеивая конверт, свободой своей порежешь.

Ты не вернешься, а я тем паче – потому что к фетишу возвращаются глупцы и святые —

до инфаркта не достанет одной сигареты в пачке, до памяти – пяти граммов суесловной пыли.

Оставаясь вороном, я не плачу – я плачу голосом воздуху этих гор, чтобы меня наконец позабыли.

Здравствуй, мой капитан, слава богу, что ты – не Немо, и тебе не скитаться по дну проржавевшим крабом.

Все нормально – и так часто хочется обратиться в пепел: только если ты станешь нелепым хламом —

ты обрешь алфавит – не то чтоб новый, но понятный тебе, ей и вертикальным ранам.

Больше письма не приходят и это верно, как и то, что кровь почтальона течет из крана.

Умываешься утром или смотришь на ветхий запад – понимаешь, что гореть тебе в этой слепой пустыне.

Дорогая моя, черт с Ираком ибн Саддатом. Этот слабый божок выкрашен чем-то синим.

Посмотри на меня в твоём виртуальном небе – больше боли не будет, поскольку вывеску сменят:

Адриатика нынче строит свои пирамиды и все больше свиней у Цирцеи – поглазей, как их женят.

И плевать на ночи твоей слепой Пенелопы. Троя снова стоит на камнях твоей старой конюшни,

И слепой Посейдон позабыл про запальчивость греков – так твоё приключение ему показалось скучным!

Посмотри, как несет по булыжникам черный пепел, угли. Ливень
всегда знаменует начало Помпеи —

И отныне никому не нужно читать по брайлю вечность, чтоб
обретать – как рукопись или бога – свои потери.

Иноземье молчит то ли дождь, то ли извержение Кракатау. Абсурд
запускает в нас Беккетом или болью
головной – от похмелья спасение в потустороннем баре. Мы все –
Ницшеанцы – наедине с собою.

Посмотрев на твои часы – гипс потеряет разум и оживет – что ему
твоя Галатея!

Скрипит туберкулезный катрен «тра-та-та-та...», в смысле –
трамваи исчезают, как в тоннеле, в конце твоего апреля!

Календарный распил секвойи твоего ковчега – твои угри выцвели
и ты почти что запела,

но это лишнее, потому что мы все – глухие, и смотрим на мир
с убогой стороны прицела.

Не узнаешь – на липкую ощупь – губ. Замерзший ангел –
от отсутствия любви – обратился в Бога

и дрейфует в Гольфстриме, прикинувшись деревяшкой, чтобы
после сдохнуть на западном полушарии, как минога.

Ты почувствовала, как лобок твой стал дорогой, по которой ладонь
отыщет воду,

Мир играет дымной улицей, как дурной шарманкой, отходную
кodu.

«По петле перепелки в кустах ...»

По петле перепелки в кустах —
не узнаёшь пути...
и пока ты у смерти своей —
в её жизнеродной горсти

пишешь этот забытый
другими людьми язык,
что – по корню рождений своих —
почти всегда нервный тик:

размягчаясь, летишь
из себя-психопата к себе-
об-реченному и бубучишь,
как будто дитя в дите,

и рисуешь V-ию,
то, и дело – сбиваясь на Ё,
наслаждаясь тем,
как некто в тебя плюёт.

Притворись же скрипом дверей,
пепельницей или приляг на пол —
нас сметет однорукий дворник в ладонь
и вложит в дубовый стол:

в траектории мертвых ангелов —
я всегда слышал мат,
и ловил их перья,
и смотрел из себя назад.

Посмотри же, как твой слепой
ангел тьмою в тебя течет,
и яблоко из крошек словесных
во льду печет,

уподобив тебя – своим
сомнением – кроту,
потому что речь – это способ
обрести наконец немоту.

«Я спал со смертью...»

Я спал со смертью,
играл с ней в кости
своих друзей,
приходил с ней в гости

к тебе. Если ты
уходила на —
я глядел тебе вслед
и не видел дна.

Поиграв с тобою
в такие игры
я ждал младенца —
его родили

незнакомые люди
в такой пустыне,
где язык скорей никакой,
чем синий.

Я одним морозом
дышал со смертью
и когда шел пар
из ноздрей их, дети

обретали невинность
в его засосах
и чертили путь
из облома в посох.

Я с виной расстался
Поспав со смертью,
расчесал ей косы
и заплел их в петлю.

И глазел из нее
на чужое время,
где росло из меня
(вырастая) семя.

«Плач Ярославны. Мелкая оспа кварца...»

М.С.

Плач Ярославны. Мелкая оспа кварца,
крящего время свое на тело и потроха
рыбы, открывшей жабру тверди его. Из танца
ивы в короткой воде – не разглядеть рыбака.
Клинопись архитектур твоей половины шара,
буги ночных собак и выносной Ватикан:
если глазеть с холмов – не избежать угара,
если с твоих болот – не пропустить ран.
Воздух бледнее бельм и непрозрачней их же —
дом на пятках у черта и за его чертой.
В наших глухих широтах – любой строит Новые Кижы
на слишком тонкой полоске между водой и водой.
Не объясняй судье: что так проникают мраком
птицы в изнанку мелких оледеневших волн.
Кто смотрит тебе в глаза – остается скомканным знаком,
кто не смеет тело телом от бога прикрыть —
как в детской считалочке – вон!

«Если ты посмотришь...»

Если ты посмотришь
из той дырки сюда,
то увидишь, как я
изменяю свой цвет,
покрываюсь чешуйками —
эта вода
называется временем,
этот ответ —

ложью. Ты – нелюбившая
темень,
искавшая время остаться
не в теме,
течения избежать,
пока ветер
царапает в бледной
кожице петли

твоих заморочек и прочей
мрази,
мешающей жить или петь.
В богеме —
все ищут – от жизни в хляби —
мази
и пропадают в нестрашной
пене.

Когда нас течение
острой льдинкой
порежет в дыхания ломти —
начинкой
твоей станут дети.
Все слишком просто.
Особенно – с этого
пошлого роста.

Все так пойдет, что ты не
 заметишь,
когда ослепнешь
или протянешь
руку к своей овчиной
причине
и потому – непременно
растает.

Лучше закрыть глаза и
вспомнить
отметину, дрожь вдоль
височной вены,
глагольную рифму,
что тебя не испортит —
поскольку некуда.
Без изменений.

«Если крошки смахнуть со стола, то начнется январь...»

Если крошки смахнуть со стола, то начнется январь.
Неприменно – январь, потому что птицы летают
только мимо чужих голосов, настигая в них тень
своих вымерзших спин и птенцов. И поскольку снега не растают
в этом месяце или в другом – ты увидишь, как ненависть спит
это хакеры рушат, всосавшись в экраны, трехмерной твоей
смерти код,
и рисуют лицо и читают наш иней – ты, покинув Аид,
замечаешь: как мерзнет под кожей твоей сладкий пот.

– 2-

По приметам по всем – утро нашу невинную смерть
от сосков до лобка приблизит к отсутствию смысла,
сквозь прозрачные поры ледяной, как дыханье, реки
ты увидишь – на треть от ладони – ее глубину. Эти числа
не имеют значений. Поверь?! – деревянная вещь оживет
ненадолго – поскольку умрет со стыда, что общение между
моей спермой ослепшей и зрячей твоею спиной,
прикоснулось и к ней, миновав твой прозревший живот
истирая лобок и вагину – словно влажную тьму, без надежды
накрывая младенцев песчаного Стикса безлюдной водой.

«Итак понажимай клавиши проверь свой e-mail...»

Итак понажимай клавиши проверь свой e-mail
Единственный человек с которым ты разговариваешь это груда
железа
Утро пахнет подъездом и прочей треугольной фигней
и только виртуальный секс не ведает возрастного ценза
со всеми кто минул вчера синхронно с тобою – ты
попрощаешься так и не научившись жестокости и не слепишь
XP-файлы из ДОС-кодировки – на счет два-три
выдохни и удержи в себе прощание нарисованное углем
в подъезде
а потом тебя будут учить писать и говорить как будто сторает
кошка
напоенная керосином – ты всегда любил рыжих —
нам простится многое – если мы свяжем нить
тоновых и импульсных наборов а после еще и выживем
итак понажимай на клавиши проверь свой e-mail
edinstvennayaia @ s kotoroy ti govorish – eto mouse/&&&

Опоздавший на рейс из Майданека №3128925

И покуда Второй по ночам все 14 лет
наблюдал за тобой сквозь свои прозрачные веки —
грелись птицы в Майданеке. Одуревшие от сигарет
ждали выдоха легкие и отзывались чуреки.
И отсюда меня танцевать как Урай, и отсюда
Скоротающий снег скрепит пальцы в единой щепоти:
у взъерошенных всей-то судьбы – не дожидаться простуды
и наполнить собою Майдана холодные соты
Выпей имя свое. Из весенней невнятицы цифр
вылетают снежинки в зажатый меж печью и камерой воздух
нарисуешь на вене лиловой свой скрученный шифр
и продвинешься далее в этом пути на свободу.
Вот и первый уже вылетает из теплой трубы отпускающей нас
Чтобы в стаю войти и лететь за мертвой водою
И тебя напоить, и согреть своим пеплом за час
До поры, когда мир распрощается с нашей влагой живою.

Водный ангел

Рассеченное облако
падает в небо,
оставляя круги и следы.
(Эта память
так похожа на пепел,
что всякая треба
пролетает сквозь перья,
чтоб в теле растаять

замутненной причиной).
Слетает спиралью
переспелый твой снег
с перезревшего стебля —
человеческих хроник
внематочна радость,
да и наши мозги
мельче рыбьего кегля —

это ангелы входят
и щупают лица
полумертвых прохожих
(их тонкие руки
проникают вагины
и женщин светиться
обучают плашмя,
не любя, но от скуки).

В этот бред ты согласишься
(поскольку не верить
не училась с рожденья):
твой ангел смертелен
и жесток, потому что
нейтрален, а жженье,
что пройдет сквозь промежность —
верный путь гонореи.

Ты посмотришь ему
под русалочий хвост и
если сможешь, то дашь
своей крови царапать
вялый голос о воздух
(чтоб дождь не начался
он учился два года
из месячных падать

своей женщины. Это
не правда, а рифма —
и синицы стрекочут,
и выпы молчат.
Наши дыры нас трахнут,
в ледышки заточат —
ты попробуешь снега,
чьи губы горчат).

Обнимая ладошкой
вместилище тихих
ангелочков с лицом
облысевших старух,
ты прислушайся:
в чреве их – черные дыры
угнездились до срока,
растерев слабый слух

твоей нежности. Ты
просканируешь память.
Мы сбываемся ниже
приоткрытых лобков,
разбирая свой стыд
на детей, чтоб не ранить
наших высохших
и прижизненных вдов.

Замерзает в любви (непоследней)
пернатый,
черно-белый посланник
вертикальной воды
и раздвоенный словно
язык немой, ангел
вкусит нашей с тобою
густой пустоты,

протянув из воды
виртуальные руки —
что научатся скоро
видеть свое
отраженье во тьме
теплокровной подруги
(хотя – это
не значит теперь ничего).

«Так темнота (иль слепота)...»

Так темнота (иль слепота)
шершаво щупает лицо
и, обретая жизнь крота,
ты гонишь тело на крыльцо:
чуть задыши! – услышишь: как
бог прочь на цыпочках спешит
и оживляет талый прах,
который вдохом с небом сшит.

Два варианта

– 1-

О ... (приоткрытый рот, как точка). Написать
детей, и змей воздушный поправит их на Север,
где слепота распашет темноту —
и зрение посеет.

Посмотрим в эту желчь, где сын похож на мать
и дышит невпопад, кристаллизуя воздух,
где изо всех наречий невнятен только мат,
приближенный к морозу.

О, вялый вдох отца и мутная вода,
с которой выпьют нас, едва покинут соты,
голодные птенцы, подступит немота
и мой язык проглотит.

Не слушай, и вдыхай то гелий-водород,
то ледяную крошку, то мать своих потомков,
смотри, как полетит – тобой надутый – сын,
из-под тобой оставленных обломков,
из синих арматур: в известке, как в исподнем,
пересекая Стикс или худой Миасс.

Начнется желтый дождь, что после кровь наполнит —
впадающую в нас.

– 2-

«О» открывает рот и заслоняет ночь
я на детей смотрю, как на Восток и Запад,
к тому же это – сын, тем паче это – дочь,
а более всего – почти овечий запах.

Почувствуй эту желчь, где сын похож на мать,
где дочка дочерна дыханьем воздух стерла,
где маленький отец ночами, словно тать,
свой голос воровал из собственного горла.

Папашки вялый вдох, который – как вода.
И дети – как птенцы, и комнаты – как гнезда,
и более всего, конечно, немота

и рано всё менять, поскольку очень поздно.

И как мне рассказать про гелий водород,
про мать своих детей (чуть не сказал потомков)
про то, как бродит сын уже четвертый год,
и как топчет дочь среди моих обломков.

Они по миру прут, как радостная смерть,
как радостная смерть отца и материнства.

А я гляжу на них и продолжаю петь,
хотя давно готов икать и материться.

Пересечем же Стикс или худой Миасс
промежду арматур, известки, пятен меди,

покуда желтый дождь, который кровь заменит,
впадает кое-как, но непременно – в нас.

«Прожив без меня две жизни – ты научилась ждать...»

Прожив без меня две жизни – ты научилась ждать
пока тебя память сотрет до рифмы и, вымолвив – жаль,
Хронос посмотрит вслед и увидит в себе: как ты
примеряешь к морщине своей промежутки моей пустоты.
Только тогда ты отпустишь меня навсегда – и я,
как свободу свою, твои обрету края.

Протей

Не проверяй заметок,
не оставляй следов,
когда идешь по воде —
не взбаламуть песок.

Каждый прошедший сквозь нас —
что-то унес к берегам
своим: посчитай, что — кровь,
и точно сойдешь с ума.

Если смотреть в окно,
то можно увидеть смерть,
которая в нас живет и нас
оживляет. Терпеть

себя не учись — когда
научишься — полетишь
мимо серых камней.
Не подрезай камыш,

чтобы гнездо иметь.
Трескается каблук:
встреча — наверное есть
тягчайшая из разлук.

Когда возвратишься в дом —
припомни хоть треть имен,
твой дом населивших: с другими —
сделай вид, что знаком.

Речь твоя, что вода
и вымывает тебя,
и, как прозрачный Протей,
ты ее плоть обрета,

выльешься скоро прочь
и потечешь в детей
и потому — не думай,
как будешь выглядеть. Сшей

рубаху, спали утюг
и заберись на чердак,
и заключи с артритом
своим кратковременный пакт.

Так и глазей в свой зрачок
и в темноте его
свернись, как когда-то кровь,
бывшая до всего.

«Первоначально будет ночь и отпечатки на вина...»

Первоначально будет ночь и отпечатки на вина
Бутылке тонкой – дым и сын, и сны бессмысленные. Дна
Не рассмотреть, а рассказать... шумел камыш... из камыша
Торчала ветка, и гореть вода спешила, не спеша.
Утяжеляла веки тьма. Стояла легкая тоска.
И смерть была – недалеко, а жизнь – близка.

Валгалла

Этот валяющийся шерстяной птенец в бледном балтийском штите
теряется, когда смотрит на восток. После рассказов, в таком
готическом стиле
завершающихся, вовсе не хочется спать, но если
ты иногда возвращался сюда, то вернешься снова – потому что –
что Чехов, что Пресли,
вдавленный в чужие кости рентгеном с иглой,
никогда бы не расстались с такою веселой игрой.

Так как сесть на пароход без билета – можно, и зарвавшейся
обезьяне —
необязательно помнить о пейзаже и саже, заблудившихся в дюнах
воды или в кальяне.

В такие мокрые зимы только сигареты и руки, спрятанные
в карманы,
имеют какой-то размазанный смысл, которого ждешь, как
голодный – плесенной манны.

Вот (междометия) так же, и мне, выхристу, хочется, чтобы меня
забрали,
и точно – еврейские такие базары и словари достали.

Вот она – твоя Валхала, маленькая, как и Боги
ее населяющие и уязвимые, если грызут ногти и поджимают ноги
под себя, как будущее твое – посмотришь и увидишь,
как вода аплодирует тому, кто к ней всех ближе.
Так блестит иней на камне, и клеветает камбала жаброй на воздух
и ты смотришь, потому что не слышишь – остук

тени своей о финляндские камни. Необязательно помнить имя
свое и прочее – по цепочке.

Зрение автономно и когда нас уже нет – продолжается, даже если
ты смят до точки.

Ну, так скажи, пернатый, как тебе гибель всего святого,
дрожь под коленками и в иных местах? – Времени с полседьмого
вчерашнего вечера – нет. И ты поднимаешься выше
того, кто на шпиле повис и видишь того, кто никогда не становится
ближе.

И чиркнув спичкой, начинаешь девичьи разговоры. Все боги —
женщины, как бы не возражали они сами и их половины. Такие
итоги —

протекают сквозь ладошки янтарным песком и танцуют
по сумеркам стертым танго,
и теперь нам не двинуться дальше, скрытого в песочнице танка.
И ты смотришься в зеркальце, питая глаз амальгамой,

И Атлантида плещется – над Валхалой твоей – там, за герметичной
рамой.

«Соседи твои снова ботают на самой отменной фене...»

Соседи твои снова ботают на самой отменной фене,
крысы липнут к столам, увязают в своих тенях:
чтобы тебя не обвинили в их языка подмене —

залезь на пальму или фикус в горшке, что стоит в просвещенных
сенях.

Через месяц, два, пять, семь – (пустое) – начнется Декабрь:
ты выпьешь портвейна, болтая ногами с карниза,
забьешь косяк на (их всех) невозможных костях —

твоя виза просрочена – и ты пролетаешь на крыльях слюнявых
стрекоз мимо каприза

этого ослепшего бога, расколотого пополам
окраиной и сокровенным: типа того, что совесть
стала свободой твоей – в смысле, тебя изрекла.

Так учишься даосизму – такая, как блин, испеченный мной,
печальная повесть.

И ты го (во) ришь, как Мер (L) ин с волками и дикой кошкой,
и считаешь коннект изреченный – ложью —
постучи по дереву лба алюминиевой ложкой

и услышишь, как воздух одушевлен – в дождь – прозрачной
мошкой.

Через год, пять, десять, короче – жизнь – семечек шелуху
разметет расторопный дворник, а ты попадешь в уху —
и соткешь новую – не по себе? – судьбу,

о которой ты, само собой, в сегодняшней темноте не соврешь
«бубу»

Нитки твои побелели не от стыда —
вообще-то мы все играем в туда-сюда,
и когда ты похож (похожа) на мессию

понимай сам-сама скоро встынешь в крутое, как дым сигареты,
месиво.

Но мне интересно, что там смолчал сосед,

потому что уже ничего от сигарет
не осталось, и только слабая нить горит —

так ты слушаешь, как тень твоя с тобой в горизонтальной тьме
говорит.

«Почти как по ладони сбегают (только мимо)...»

Почти как по ладони сбегают (только мимо)
холодные пароли и мимо – голоса...
и, кажется, что тень сползет неотвратимо
в окоченевший свет, трамваи, небеса,
стучащиеся в почву. Теперь – что невозможно:
читать себя по крови... и выпадет роса,
и пятистопным ямбом стучится в пуле Пушкин —
и пьет почти как ангел нас пес через глаза.

«Мать бесценно провожает сына в берегах...»

Мать бесценно провожает сына в берегах...
то ли кремний, то ли пулька на зубах,
чем сложнее, тем и проще был ответ,
тем плотней, в краях у тьмы, налит был свет.
Перекрестная рифмовка тут и там —
так пробродит слово по холмам.

Напиши бездарный палиндром —
привезут чужие люди в Танкодром.
Привезут чужие ангелы в кино,
мать твоим прибытием скажет: «...но
в смерти, чем темнее – тем и выше был полет —
видишь, мать живет тобой наоборот».

Мы поедем сдуру на Сельмаш,
чтоб глазеть, как птицею этаж
предпоследний пробивается вверх,
ускоряя то ли тело, то ли бег.
То ли это мать нас провожает в берега —
то ли зреет прорезь в небе от чирка.

Мать бесценно провожает берега
В негорячие и водяные га.
Мы с тобою, жено, бродим по
Вытянутым в небо и в депо,
Поездам – и кто меня ведет
ржавый пес, а может ветра оборот.

Обрывается как лес и просека строка.
Мы узреем, только после, берега,
На которых мать стоит и влажно ждет
Этот кремний или сиплый дождь и дзот
Нарисуй меня крестом в пустой рукав.
Мать нас ставит, чтобы черный виноград,

Раздвигал нам ноги, и кресты
Ставил на сельмашевской груди,
Чтобы все пути вели над Первым из озер,
Так уходит наблатыканный позер.
Чем плотнее нас в Челябину дышит свет,
Тем прозрачней тьма и дифтерийнее просвет.

«Это смерть или жизнь всколыхнулась...»

Это смерть или жизнь всколыхнулась
костлявою девкой.
Запиваешь огни не дождем, но
безвкусной таблеткой.

И карябая воздуси языком, пальцем,
короткою спичкой,
нажимаешь на ввод мокрым хвостом,
то есть привычкой

своею франтишься, словно блатной
окрестною кодлой.
Сбудешься текстом, встанешь немой
и над свободой,

то есть над телом свинцовой земли —
крысой крылатой.
Это почва, подобно жене, обращается в нас
щедрой утратой.

И рисуя пальцем окно на окне —
думаешь выйти.
Просто не вовремя сел, но в вагон.
И стерву не выпил.

И заблудившись в своей магаданской
отчизне не этой —
сядешь за стол, то есть выйдешь на ноль
с воровской сигаретой.

Встрячь ли в позорный базар или бабой
согреться и светом
кожу пройти, как жизнь пробежать.
И без ответа.

«Кроме того, что случилось – рыба летит...»

Кроме того, что случилось – рыба летит
Тает. И, распаясь на стороны света от севера к югу
Тайна творит того, кто ее запретит
После разломит как хлеб и вложит иголкою в руку.
Кроме того, что случилось – из прежних обид

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.